

УДК 81-26

DOI: 10.47928/1726-9946-2021-21-2-49-61

Воспоминания как основанная на факте презентация советского автора в начале XX в.

Хуако Ф.Н. – академик АМАН

В минувшие десятки лет российская наука хронологий преобразовалась весьма существенно. По мере распространения в сегодняшнем научном пространстве культурологического и цивилизационного метода при работе с фактами и датами, по мере углубления интереса к вопросам жизни социума нарастает градус внимания не только к физической, но и к внутренней, индивидуально-личностной стороне бытия. Отступление от порой ненужной объективности в подходах, применение разработок хронологии и антропологии при подходе к историческим фактам, используемых иностранными специалистами, позволили сконструировать комплекс свежих методических макетов. Кроме того, в сегодняшней науке фактов и хронологий крупным планом (и преимущественно, – в десятилетия нового века) начинает выступать так называемая микроистория, сопровождаемая хрониками каждодневных будней. Соответственно этому информационные ресурсы индивидуальной отнесенности оказывают значимое воздействие при работе с вопросами микроистории. Вхождение в реалии ежедневного бытия, составляющее стержень микроистории, и, кроме того, присоединение к изучениям хроник гендерных проблем, – все это в совокупности приблизило научный и массовый интерес к персоне, к индивиду вершащегося факта. Вследствие сказанного просматривается усиленный интерес ученых к индивидуально-личностным сведениям, к примеру, к воспоминаниям, как к хранилищам хроникальной цивилизационности социума, а также как к архивам мысли и ощущения конкретного социального представителя. В таких обстоятельствах вполне очевидным оказывается периодическое усугубление массового внимания к содержащим воспоминания мемуарам, несущим точку зрения земляков и иностранцев на нечто, случившееся вокруг них и свидетельствуемое ими. Так, к примеру, Борис Зайцев в начале 30-х гг. XX в. рассуждает о писателях своего времени, не упуская из виду обстоятельства их обитания: «Гиппиус, Вячеслав Иванов, сумрачный (замечательный поэт) Сологуб, Кузьмин подкрашенный Городецкий, похожий на молодого лося, ресторан «Вена», где встречались писатели, модное тогда издательство «Шиповник» с Гржебиным во главе» [1, с. 17]. Или яркий и впечатляющий пример из воспоминаний об Италии Павла Муратова, пораженного впечатляющими условиями жизни итальянцев: «С этой Венецией соединены голуби, приливы иностранцев, столики перед кафе Флориана, лавки с изделиями из блестящего стекла. Круглый год, кроме двух-трех зимних месяцев, здесь идет неугомонно-праздничная жизнь, такая праздничная, какой нет нигде. Надо только видеть движение человеческих волн утром на мосту Делла Палья, надо слышать легкий шум разноязычного говора и легкий шорох шагов по мраморным плитам!» [2, с. 2]. Либо впечатления от первого дня пребывания в Америке Ильи Ильфа и Евгения Петрова: «Поздно ночью мы вернулись в отель, не разочарованные Нью-Йорком и не восхищенные им, а, скорее всего, встревоженные его громадностью, богатством и нищетой» [3, с. 26]. Действительно, в первую очередь здесь крупным планом – сила эмоции рассказчика, мгновенно приближающая

его к читателю и ясно настраивающая получателя на испытываемый автором настрой.

Тенденции воспоминаний в изложениях, входивших в устно-поэтические повествования, в фольклор имели место быть непосредственно со стартовых времен человеческого бытия. Мемуарные компоненты, заполнявшие легенды, притчи, сказы, активно приветствуются слушателем, оказавшимся, наравне с автором, свидетелем происходящего в устных произведениях разных времен и народов. Так, в частности, достаточно подробно на сегодня изучен в адыгской филологии элемент воспоминаний в древнем черкесском эпосе «Нарты», практически каждая песнь которого содержала такую строку: сказитель и его впечатления о том или ином событии, ставшем историей. В роли специфического хроникально-художественного жанра воспоминания начали возникать в отечественной литературе на стыке XVII-XVIII вв., в период, когда преобразования в организации социума обусловили модификацию в персональной действительности и в личной жизнедеятельности. Так, к примеру, П. Муратов, говорящий в своих воспоминаниях о религии итальянцев и находящий ее стимулом к художественному творчеству знаменитых итальянских художников, красиво и убедительно анализирует соответствующие предпочтения гениев. Аналогично и Б. Зайцев присуждает Всевышнему умение вдохновлять живописца, проводя параллель между русским и итальянским искусством: «Чувство Бога и сочувствие человеку животворит весь наш девятнадцатый век, на который по Тайне Промысла выпали величайшие дарования литературы нашей (кроме Чехова, все великие русские писатели родились между 1799–1828 гг. Кстати: похоже и в итальянском Ренессансе: величайшие его художники родились между 1452 – 1483 гг. – тоже тридцать лет)» [1, с. 28]. С точки зрения А.Г. Тартаковского, начала жанра воспоминаний в отечественной литературе нарастают в XVII столетии, причем как жанр они принялись формироваться в XVIII столетии. Осмысление себя самого в качестве персоны на хроникальном поле инициировало целый ряд пишущих приступить к художественному продуцированию и изложить те существенные, по их представлению, факты, очевидцами коих они оказались. С точки зрения А.Е. Чекуновой, даже в семнадцатом столетии образ мыслей Средневековья стартует понемногу «... сменяться мировоззрением, в основе которого лежало утверждение человека, свободы и достоинства человеческой личности» [4, с. 8]. С целью определения сформировавшейся в хроникальной науке понятийной конструкции необходимо повернуться к успехам российского источникового арсенала. К тому же внимание может привлечь не просто рассмотрение подступов к вычислению воспоминаний как в учебном, так и в научном ресурсе, применяемом в ходе совершенствования свежих научных кадров. Исходные труды, направленные на разработку отечественных воспоминаний, возникли уже в XIX столетии, в том числе публикации П.П. Пекарского, Н.Д. Чечулина, каковые исследуют воспоминания восемнадцатого века. Так, в частности, уже в 1891 году Н.Д. Чечулин обозначил мемуары в качестве «драгоценнейшего материала для изучения умственного и нравственного строя людей известного времени и общества», дарящего «возможность понять отношение их к событиям их времени» [5, с. 10]. Тем самым, как видно по вышеприведенным сведениям, уже в дореволюционном источниковедении начали возникать публикации, адресованные анализу конкретных ресурсов воспоминаний. Стартовый ход на понятийном мемуарном поле оказался произведен в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона в 1896 году, после чего «мемуарами» стали

называться заметки представителей одного поколения о явлениях, в коих они выступали свидетелями либо членами происходящего. Ученый, представляющий названную публикацию, к тому же на достаточно высоком уровне утверждает специфическую значимость сведений, входящих в воспоминания. Он подчеркивает, что в той или иной их строчке «разъясняется иногда то, что остается темным в целых фолиантах дипломатических нот и официальных бумаг» [6, с. 70].

В самом начале XX века революционные преобразования 1905 – 1907 гг., а также соответствующее цензурное уменьшение добавили некоторые правки, причем не только в хронологию включения воспоминаний в ресурсы научных сведений, а также в их исследование. Конкретными публикациями в социально-политических журнальных выпусках издавались мемуары членов групп, составлявших освободительное движение. В 30-е гг. XX в. начало поэтапно замедляться исследование исторической наукой воспоминаний, которые уже считались относимыми к научно-популярному жанру. В таковых не просто описывались определенные факты отечественного политического бытия. Здесь также протекала дискуссия, сторонами которой являлись ведущие воспоминания авторы и их соотечественники определенного периода. Так, в частности, член и хронолог студенческих политических групп конца девятнадцатого столетия Сергей Мельгунов (будучи выходцем из древнего рода, имея отцом историка, педагога) достаточно скептически и строго рассмотрел воспоминания руководителя Московского университета, а также главы министерства народного просвещения Николая Боголепова. Начали пропадать отзывы о конкретных выпусках воспоминаний, выходившие в газетных и журнальных выпусках. Рецензентами в таких случаях выступали либо ученые-историки, либо другие свидетели встававших в воспоминаниях исторических фактов. При этом в воззрениях некоторого числа представителей исторической науки появились суждения о том, что воспоминания в силу своей субъективности намного более ошибочны по сравнению со всеми другими информационными ресурсами. В таких рассуждениях вставали проблемы аргументации доказательности, точности воспоминаний. Как представляет причину разнесения и низведения воспоминаний в источниковую роли (в первой половине XX в.) современный историк Дилияра Галиуллина, такой мотивацией выступило «решение ЦК об издательстве «Молодая гвардия», в котором указывалось, что «... борьба за большевистское воспитание юношей и детей в духе ленинизма, за интернациональное воспитание пролетарской и колхозной молодежи Советского Союза требует на данном историческом этапе исключительного внимания к острейшему большевистскому орудью на идеологическом фронте, к литературе для молодежи и детей» [7, с. 31]. Тем самым, в период становления советской социально-политической системы, то есть в первой половине XX в. узконаправленных (ни исторических, ни литературоведческих) трудов, нацеленных на рассмотрение повествовательных либо фактических изложений в воспоминаниях, практически реально не существовало.

Ощутимо иной период на исследовательском пространстве воспоминаний стартовал с наступлением половины 50-х гг. XX в. Невзирая на весьма обширную активизацию вышеописанной нами точки зрения о необъективности воспоминаний как источника, в числе историков сформировался ряд специалистов, уверенно и осмысленно обращавшихся к изучению мемуарного ресурса, как к хроникальному материалу. В число такого

ряда входили С.С. Минц, С.С. Дмитриев, В.С. Голубцов, А.Г. Тартаковский. Благодаря их научным предпочтениям оказался опубликован комплекс трудов, содержащих в числе приоритетов не просто востребованность, однако и непосредственные целевые установки обращения к воспоминаниям, выведение их жанровых признаков, стратегий разработки. Здесь начинают появляться распространившиеся позже тенденции обращения к личности мемуариста как к представителю своего времени и своей социальной группы, с учетом этнического фактора. Так, к примеру, в 50-е гг. XX в. известный советский источниковед Моисей Черноморский достаточно новаторски выдвигает признанные и в его время, и до сих пор параметры исследования мемуаров, в числе которых форма, время, источник, авторство, а также выявление объективности и правдивости информации. Или другой отечественный источниковед середины прошлого века Андрей Тартаковский также одним из первых сформулировал социальную отнесенность вопроса хроникальных сведений в качестве системообразующего критерия, соответственно чему выявил его в текстах воспоминаний. В результате появилась возможность производить сбережение, трансляцию, анализ сведений, опираясь на целевые приоритеты, идеологические и духовно-ценностные установки пишущего.

Если говорить в целом, вследствие протяженных (но не всегда частых) обсуждений в советском и в российском источниковедении сформировалось две стороны подступа к воспоминаниям.

Первым из них выделяют так называемый «конкретно-исторический», последователи которого считали воспоминания непосредственным средоточием хроникальных сведений о прошлом, каковые допустимо тактично применять с целью углубления и своеобразного выразительного окраса данных, заимствованных в ресурсах иного типа. Данный подступ более присущ отечественной исторической науке до 70-х гг. XX в. В этот момент в хроникально-нацеленных исследованиях появились четыре обновления. Это: во-первых, стержневые позиции по отношению к зоне фактических хроник на общем пространстве прочих хроникальных сведений; во-вторых, непосредственные и четкие достоинства, но и дефекты хроникальных сведений в качестве самостоятельного источникового типа; в-третьих, центральные системные подступы к систематизации хроникальных сведений; в-четвертых, формирование и апробация тактик научного анализа реальных хроникальных сведений. Усилившееся внимание уважающей книгу интеллигенции к мемуарам обусловило их интенсивное появление не только на страницах самостоятельных книг, однако также в столбцах общественно-политических, научно-популярных журналов.

Вторым из подступов к воспоминаниям в науке считается так называемый «историко-типологический», последователи которого находили в мемуарной информации не только явно видимые сведения о прошлом, однако также и параллельный (неочевидный, но угадываемый) материал, отличавший как самого пишущего и его характер, так и влиявшую на него среду (как материальную, так и психологическую). Данный подступ приобрел преимущественное распространение уже в конце прошлого века и продолжает оставаться более принятым в современном источниковедении. Именно на него мы и сделаем акцент в нашем исследовании, избирая объектом личностные проявления автора, дарящего свои воспоминания миру. Индивидуально-личностную тональность, нацеленность на прошлое текстов воспоминаний приобретают отнюдь не роль дефектов жанра, а миссию досто-

инств системообразующих качеств изложений. К примеру, уже упоминавшийся нами выше Моисей Черноморский в своих трудах середины прошлого века весьма обоснованно полагал: индивидуальность воспоминаний отнюдь не уменьшает их значимости и потому никак не может мешать и чинить преграды пространному применению их источникового ресурса в хроникальных изучениях. При этом исключается родственность воспоминаний и мемуаров с художественным, вымышленным произведением. Формулируется однозначное суждение: присутствие фантазийного элемента (не исключенного в данном жанре) превращает в развалины базовые, стержневые корни фактических хроникальных сведений. Тем самым, большинство приобретает мнение, что допустимая в воспоминаниях яркая выразительность изложения, совсем не идентична с домислом художественного текста и никак не является качеством пишущего по объективному воспроизведению реальности.

Таким образом, как показывает вышеприведенный нами анализ изученности тематики и ее понятийной составляющей, на протяжении предыдущего века было создано не так мало научных трудов по воспоминаниям. Результат особенно интенсивной дореволюционной группы ученых, видевших в воспоминаниях источники хроникальных сведений, состоял в следующем. Они сформулировали стартовые гипотезы по формулировке понятийного аппарата, представили положительный настрой источникового ресурса воспоминаний в соотнесении их с другими хроникальными формами. К тому же уже в современный период возникло некоторое число разнообразных работ и диссертаций, адресованных воспоминаниям конкретных известных личностей в определенные исторические периоды. Однако по сей день полноценно не изучены, конструктивно не выявлены имеющиеся стратегии анализа воспоминаний как комплекса сведений, несущего информацию об эпохе и об авторе как о ее представителе.

Имела место быть определенная несхожесть точек зрения в проблеме понятийного аппарата воспоминаний, под которыми можно подразумевать: изложения рассказчика, несущие информацию о лицах, о явлениях одновременного говорящему периода. Эти изложения несомненно мотивированы своеобразием индивида, наработками его жизнедеятельности, прожитым, но при этом воспроизводят также уровень расположенности социального мнения в дни их создания. Так, к примеру, реальная добрая зависть рассказчиков об Америке в ходе описания максимального уровня комфорта окружающей среды, отчетливо дающая понять читателю минимальный уровень обслуживающего сервиса в стране, из которой путешественники приехали в Америку – в СССР. С восторгом описывая производимые в номере отеля действия по обслуживанию клиента (к примеру, по стирке и чистке его одежды), рассказчик у И. Ильфа и Е. Петрова в их «Одноэтажной Америке» довоенного периода искренне удивляется выглаженной и даже починенной, заштопанной одежде, оказавшейся в распоряжении клиента утром. Объясняет он это следующим образом, задавая тем самым своеобразную идеологическую планку, к которой могла бы стремиться советская служба сервиса: «Комфорт в Америке вовсе не признак роскоши. Он стандартен и доступен» [3, с. 28]. На уровне общественного устройства воспоминания выглядят определенным своеобразным культурным уникамом, который воспроизводит социальное настроение предков читателя и очерчивает все, давно происходившее, так, как понимал и чувствовал его сам вспоминающий. Производя материал воспоминаний,

создатель не просто утверждает и иллюстрирует фактические сведения, на ниве которых он творил, однако создает для детей и внуков непосредственный конкретный пьедестал хронологии событий, дающий возможность следующим поколениям вникать в события, пропитываться настроением и пытаться понять своих прадедов в их социальной среде. Рассмотрение текстов персонального производства, к которым относится и воспоминание, создает трудности соответственно тому, что нередко они весьма подобны художественным текстам и допускают на своих страницах некоторый авторский вымысел. Так, к примеру, подобная художественная наполненность элементами вымысла в целях придания выразительности тексту присуща воспоминаниям Павла Муратова об Италии. Ведя аналитическое изложение, касающееся истории, политики, искусства и литературы интересующей его на тот момент страны, автор позволяет себе порой романтические элементы домысла, явно фантастические предположения, строит наглядно убедительные, но нереальные гипотезы, чем визуализирует повествование и удерживает внимание заинтригованного читателя. В соответствии с этим необходимо принимать в расчет, что воспоминания не есть документальный отчет о произошедшем. Их повествование преимущественно мотивировано своеобразием характера и стиля говорящего, окружающей его обстановкой, а также подвигающими автора к созиданию творческими задачами.

На материале имеющихся дискуссий располагался стержневой вопрос источниковедения мемуаристики, который составляет вопрос индивидуальности их сведений. Одновременно необходимо принимать в расчет, что имеющиеся у автора мемуары, выступая вариантом документального текста, дают некоторую научно-познавательную значимость воспоминаний и, соответственно, точку зрения на них исследователей. В таком отношении они, с позиций некоторых исследователей, имеют срединную почву между хроникальным ресурсом и вымышленным текстом. Соответственно не надо надеяться в случае с воспоминаниями жесткого воспроизведения реальности. Несомненно: так как воспоминания производились спустя определенные сроки, у пишущего способно было случиться перемещение ударений под воздействием преобразованной социальной среды, вследствие потери детальных данных, находящихся на возрастных потерях в памяти. Забвение при этом выступает натуральным *gemetter*- качеством. Следовательно суть воспоминаний, их содержательность определяются реальной ценой деятельностного опыта пишущего, его образа мыслей и интеллекта. Соответственно, мемуары быстрее приближены не к хроникально состоявшимся фактам, а к значимым для пишущего явлениям, к тому, как они оказались им увидены и поняты. На сегодняшний день воспоминания достаточно часто применяют в работах не просто как вспомогательный, а как центральный ресурс. Воспоминания применяют не только историки, но и социологи, психологи, филологи. Обращение к воспоминаниям дарит ученому шанс посмотреть на предшествующие факты сквозь призму современника времен, рассмотреть в них действительные компоненты эпохального бытия и характера. Применение в совокупном комплексе ранее неизвестных свершений соответствующей науки усиливает фактические сведения воспоминаний, содействует улучшению восприятия предыдущих мемуаристов, способствует прогрессу в стратегии работы с ресурсом воспоминаний. Это позволяет насытить фигуры реальных творцов истории своеобразными гранями. Следовательно, воспоминания выступают существенным ресурсом хроникального материала.

В воспоминаниях содержится авторская позиция на конкретные факты и их сплетение. Индивидуальное их средоточие, возможная необъективность, личностное искажение изображаемого под влиянием настроения на протяжении десятилетий оправдывали ученых в применении мемуаров лишь в совокупности с прочими документальными жанрами, порой присваивая им функцию дополнительной иллюстрации, требуемой для некоего придания выразительности описываемому. Результатом последующего обращения ученых к вопросам систематизации воспоминаний оказались усилия очертить системный фактор, способный разбить по группам имеющийся запас подобного рода. С опорой на это однажды оказался сформулирован аргумент о прогрессе хроникальных периодов. Базирующее воспоминания пространство есть неизменно индивид. Советский и российский историк прошлого века, источниковед Андрей Тартаковский обозначает как обобщающий фактор именно начальную миссию хроникальных ресурсов непосредственно в социуме, несущую средоточие самоощущения индивида в хронике веков. Так, к примеру, анализируемую им тематику вкусов своего времени критик 30-х гг. XX в. Б.Г. Зайцев в своих воспоминаниях представляет всегда в личном контексте. В частности, увлекательно рассказывая о существовавших тогда в Петербурге научных течениях и сопровождавших их журналах, он не забывает поделиться впечатлением: «В самом начале века Мережковские основали в Петербурге журнал «Новый Путь». Фиолетовые книжки «новая литература» – это шире декадентов. Пожалуй «Н.П.» надо считать первым пристанищем символизма в России, как «Весы» – пристанищем декадентства. «Новый путь» недолго просуществовал. Его заменили «Вопросы Жизни», там же, в Петербурге журнал, сходный по духу, но скорее неохристианский. Тут преобладали Булгаков, Бердяев. Туда ездили мы с женой из Москвы – в обоих журналах печатались и мои ранние вещицы. Эти путешествия были очень живительны, открывали Петербург высокой марки нас юных вводили в мир и современный, и культурнейший» [1, с. 14]. Имеется и постоянно присутствующий в воспоминаниях оттенок увлеченности рассказчика происходящим, отчетливо прослеживаемый и у П. Муратова, и у Б. Зайцева. Так, у П. Муратова насчет декораций итальянского праздника: «На теперешнего путешественника Болонья производит впечатление города, где хорошо отдохнуть от слишком усердных скитаний по музеям и церквам. После всяких чудес Падун и Феррары и перед тем, что обещает Флоренция, здесь можно прожить несколько дней без особых художественных волнений, но и без всякой скуки. В Болонье есть что-то легкое, веселящее глаз, приятно несложное. Это город счастливых и здоровых людей» [2, с. 119]. Либо у Б. Зайцева: «Во всем этом (в редакционной жизни журнала. – Ф.Х.) была молодость, увлечение, все вокруг кипело и втягивало в кипение свое. Сколько новых людей, встреч и знакомств!» [1, с. 14].

Стараясь найти новый подход к названному аспекту систематизационного критерия, ученый уже нашего века из Кубанского госуниверситета Светлана Минц усиленное значение придавала такому классификационному признаку рассматриваемого жанра, каковой способен обозначить степень его типового своеобычия: это персонализация в ощущении и в трансляции описываемого. В публикации 2000 г. (глава «О субъективной природе как видовом свойстве источников мемуарного характера») кубанский историк достигает верного заключения, доказывающего следующее: «как раз субъективная природа мемуаров и может служить основой для обобщающей характеристики источников данного

вида» [8, с. 60]. Исследователь источников делает упор на том, как реальность воспроизводится посредством воспоминаний непосредственно сквозь ракурс видения говорящего. Благодаря чему сей ракурс придает тональность не просто воспоминаниям как хронике событий, однако и тому (что также существенно на социальном уровне), как усиливается их информационная насыщенность. Тем самым преимущественное число современных специалистов источниковедения, очерчивая в роли центрального фактора, присущего индивидуально-личностным ресурсам, способность трансляции ими реальности посредством субъективных ощущений, находит в таком признаке отнюдь не дефект, а, напротив, достоинство передать прослеживаемую в истории бытийную среду. Индивидуальный подход в случае информационной трансляции посредством мемуаров, усиливаемый личными ощущениями, порой преобразует текст, с точки зрения С.С. Минц, в публицистическую беллетристику, способную придать излагаемому пафосный агитационный стиль, схожий с листовкой. Кубанским профессором акцентируется к тому же и такое, достаточно нередкое качество воспоминаний, как цитирование и включение определенных фрагментов документов, что способно придать мощь авторитету излагаемого и усугубить социальный статус самого вспоминающего. Следовательно, с точки зрения С.С. Минц, в продолжение приводившегося в предыдущем абзаце мнения А.Г. Тартаковского, воспоминания могут выступать определенным итогом самоощущения пишущего, а также продуктом его нацеленности на демонстрацию собственного участия в хрониках событий, а также своего личного места на социальном пространстве.

Рассматриваемый нами в статье источниковый типаж обладает целой чередой специфических качеств, как в поле распространяемых сведений, так и в поле тактик, стратегий критики. При этом следует помнить, насколько в мемуарах отчетливо просматривается двусторонняя выраженность хроникальных ресурсов. Во-первых, воспоминания концентрируют исторические сведения и потому выступают отображением истории. Во-вторых, мемуары оказываются фрагментом либо документом конкретного исторического периода (в том числе, момента их написания или момента их выхода в свет), то есть эпохи их представления массовому потребителю и, соответственно, – времени реализации текстами собственных функциональных назначений.

Упомянувшийся уже не единожды нами выше отечественный источниковед А.Г. Тартаковский произвел стартовые шаги в теории обозначения типовых факторов воспоминаний, способных систематизировать их в самостоятельную жанровую группу. Это: 1) личность; 2) ретроспективность; 3) память. Рассмотрим данные признаки уже в собственных формулировках далее более подробно.

Начальным в данном трехчленном списке является качество, включающее индивидуально-личностную составляющую. Мемуары есть не просто повествовательное изложение происходящего. Однако они, как мы уже неоднократно утверждали выше, являют собой и объяснения, и признание, и размышления, и даже, порой, – угрозы. Центральным персонажем на переднем плане выступает ведущий изложение вспоминающий, через восприятие которого пронизано описываемое. Существенную роль играет также и предмет описаний, являющий собой тот факт или то лицо, о которых идет речь. Таким образом, персональная субъективность пишущего выступает общепризнанным жанровым признаком воспоминаний, что позволяет нам вести речь в работе о мемуарах как о ре-

альной презентации автора. Подобная субъективность изложения отнюдь не принижает их ценность в качестве хроникального изложения, поскольку как раз мемуары достоверно воспроизводят реальный эпохальный настрой. Так, к примеру, стоит читателю даже сегодня лишь начать читать «Одноэтажную Америку» И. Ильфа и Е. Петрова, как он моментально проникнется тем восторгом, который испытывали советские путешественники при вхождении в благоустроенный и насыщенный сервисом западный образ жизни и, соответственно, – тем презрением и той ненавистью к ожидающей их в родной стране затхлости и нищете: «Вообще Нью-Йорк замечателен тем, что там есть все. Там можно найти представителя любой нации, можно добыть любое блюдо, любой предмет – от вышитой украинской рубашки до китайской палочки с костяным наконечником в виде руки, который через спину, от русской икры и водки до чилийского супа или китайских макарон» [3, с. 37]. И потому вполне разделяемым с авторами оказывается ощущение читателя при виде того, каким жутким дефицитом в СССР являлся содержащий обязательные для человека элементарные витамины сок, выдававшийся на Западе любому обслуживаемому клиенту просто так, в любой сервис – модели. А.Г. Тартаковский по поводу личностной составляющей жанра воспоминаний уверенно утверждал, словно «упреки мемуаристов в субъективности есть не что иное, как посягательство на сами законы мемуарного жанра» [9, с. 27]. Тем самым, одним из мемуарных принципов, обуславливающим личностный фактор как жанровый признак, выступает стремление рассказчика пусть и не нести центральную миссию в описываемом, но обязательно иметь к ним то или иное отношение (как минимум, – наблюдать за ними). Это и позволяет берущему в руки мемуары читателю ознакомиться с интересующей его проблематикой с тех сторон, которые точно не освещены в цензурируемой деловой документации.

Другим из выделяемых А.Г. Тартаковским и поддерживаемых нами жанровых качеств воспоминаний есть их нацеленность на прошедшее, то есть так называемая ретроспективность. Действительно, временной компонент обладает в этом случае существенным значением. К тому же чем значительней разделенность временем, тем вероятней возможность искривления, информационных потерь, ненужного сглаживания углов, утраты личных данных (и другое подобное). Кроме того, как предостерегал по этому поводу А.Г. Тартаковский, «отношение мемуариста к событиям в период их свершения и в момент создания мемуаров не всегда совпадает» [9, с. 30]. Согласимся и здесь с цитируемым советским источниковедом. Воспоминания отнюдь не обязательно производятся параллельно с происходящим либо сразу после него, что способно сказаться на их историческом соответствии. Применительно к малой временной отдаленности можно говорить о том, что в подобных изложениях воспроизведение событий способно оказаться более экспрессивным и, соответственно, – менее независимым. Но, – более достоверным, – в силу своей приближенности к произошедшему. В случаях ощутимой временной отдаленности подход к описанию событий вероятен рациональнее. Однако определенные нюансы могут быть упущены, что обусловлено личными психологическими и физиологическими параметрами. Восприятия индивида способны преобразовываться по мере наступления временных промежутков, на чем отражаются и персональный жизненный багаж, и социальная трансформация подходов, присущих обществу в целом при оценке исторических хроник. Историк первой половины прошлого века Иосиф Гелис философски и выра-

зительно обозначал такое явление как «давление времени» [10, с. 199]. Помимо этого промежуток времени все-таки порой позволяет рациональнее проанализировать произошедшее, несколько со стороны оценить свою позицию, грамотнее распределить ударения, верно разграничить детали и корни, прочее.

Третье из выделяемых А.Г. Тартаковским и поддерживаемых нами качеств, определяющих в систематизации воспоминаний, есть память, являющаяся стержневым ресурсом для данного жанра. Специфика воспоминаний сосредоточена на том, что физиологический навык способности к запоминаемости позволяет приводить в изложении многочисленные грани хроникальных явлений, каковые не способны получить воспроизведение в прочих источниковых ресурсах. Мнемические способности в этом случае позволяют что-либо фиксировать, а что-либо (порой случайно, порой, – намеренно) уничтожать в ряду событий. Данное качество есть фактическая расположенность воспоминаний к тому, чтобы передавать сведения о произошедшем, то есть осуществлять ими собственную миссию в обществе. Беспамятность в таком случае принуждает применять сведения из прочих ресурсов (документов, медиа-средств, архивов, устных свидетельств и т.д.). Как говорит о такой допустимости источникового разнообразия публицист и критик первой половины прошлого века Б.Г. Зайцев, «Мы входили в жизнь на рубеже: позади великое, уже прославленное – скоро назовут его Золотым веком русского искусства, на Западе даже сравнят с расцветом эллинским и с итальянским ренессансом» [1, с. 14].

Тем самым, информация, заимствованная в прочих ресурсах, также обязана быть подвергнута анализу на совпадение в реальности. Непосредственно продуктивный способ выявления цельности, истинности информации, несомой воспоминаниями, есть их соотнесение с прочими источниковыми резервами, каковые хотя бы в некоторой степени скрещиваются с описываемыми фактами. Так, к примеру, в своей статье методического плана «Как надо писать воспоминания (методологический очерк)» 1925 года, вышедшей в журнале «Пролетарская революция», уже упоминавшийся и цитировавшийся нами выше И. Гелис приводит достаточные обоснования мемуарного своеобразия, представляет систематизацию воспоминаний, опираясь на такой фактор, как место и значение пишущего в происходящих исторических фактах. И уже в целом, нередко, с опорой на минимальную роль мемуаров в качестве хроникального ресурса, им присуждалась весьма несущественная миссия на источниковом пространстве. Поскольку, с одной стороны, мемуары часто весьма немногословны при описании неких таинственных государственных финансово-политических пространств, поскольку такой информацией изобилуют официальные документы, архивы, отчетно-статистические ресурсы и т.д. Однако, с иной стороны, мемуары исполняют весьма значимую функцию при воспроизведении бытовых, эстетических, духовно-психологических граней конкретного этноса, мало зафиксированных в государственных источниках либо умышленно аннулированных тем или иным неадекватным правящим режимом. Причем для передачи указанных сведений стиль изложения воспоминаний усугубляет их экспрессивные качества, конструирует настроение конфиденциальной коммуникации. Вторая из названных, иная сторона фактически воспроизводит массовые расположения национального духа, биографические и семейные сведения национально известных лиц, подробности продуктов национального искусства и проч. По мнению большинства исследователей, воспоминаниям присуще намного более выделен-

ное строение, чем стенограммному изложению. Вообще, они структурированы с большим вниманием к логике, чем часто сумбурный устный слог. Теоретически изучая вопросы систематизации хроникальных ресурсов, вышецитированный современный исследователь Светлана Минц выделила присущие воспоминаниям специфические видовые качества, базируя при этом свою типологию именно на личностном компоненте. И потому устным хроникам событий в воспоминаниях присуждается осязаемая, однако отнюдь не стержневая функция.

Подходя к итоговым рассуждениям необходимо упомянуть мысли неоднократно упоминавшегося нами в работе ведущего советского источниковеда А.Г. Тартаковского, касающиеся эволюции рассматриваемого нами жанра воспоминаний. С позиций данного ученого, озвученных в начале 90-х гг. прошлого века, проследить и зафиксировать прогрессирование в развитии воспоминаний реально, опираясь на преобразования авторских целевых ориентаций. В числе видоизменений индивидуальных целей мемуаристов А.Г. Тартаковский видел такие: во-первых, придание мемуарам статуса инструмента, влияющего на общественно-политическую и идеологическую жизнь государства; во-вторых, наступление осознания ценности воспоминаний для хроникального информирования членов социума (в том числе, – специалистов-историков); в-третьих, модификация семейных целей мемуарных изложений в установку на массового читателя посредством масс-медиа. Тем самым посредством таких целевых преобразований происходил отход от единичных индивидуальных границ к пониманию мемуаристами существенности собственных строк для последующей хроникальной фиксации. Несмотря на это, ученый понимал, что обозначения трех названных тенденций достаточно условны, и вопросы эволюции мемуарного жанра не приобрели в его трудах окончательных выводов. Не удалось завершить разработку мемуарной эволюции и Светлане Минц, которая первой (1979 г.) сформулировала данную тематику в отечественной науке.

Следовательно, как было выявлено в ходе данного исследования, жанр отечественных воспоминаний появился и активизировался в последние десятилетия семнадцатого и в первые десятилетия восемнадцатого столетий. Одним из самых очевидных итогов проанализированного оказывается утверждение: в ходе уточнения информационно-просветительской значимости воспоминаний присущая им личностная окрашенность совсем не должна пониматься дефектом, мешающим их применению в хроникальных изучениях. При этом в целом условная эволюция мемуаристики обусловлена усилением общего этнического самоощущения, а также, в том числе, – и персональной внутренней устойчивости. И потому персональные мнения вспоминающих, обозначаемые в качестве информационного компонента изложений, умножают их значимость в роли хроникальных ресурсов. Это потому, что воспоминания гарантируют доступ к более широкому информационному пространству, включающему и личностные сведения, чем это может предложить официальная документация. Фактически здесь содержится личностное осмысление собственного нахождения в национальных хрониках, составляющее достойное наполнение интересовавшей нас в статье авторской презентации, несомой мемуарами (воспоминаниями).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зайцев Б.Г.* Утешение книг. Вновь о писателях. Очерки, эссе, воспоминания. М.: БОСЛЕН, 2017. 528 с.
2. *Муратов П.* Образы Италии. Т. 1. Москва: Издание Научного Слова, 1911.
3. *Ильф И., Петров Е.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Одноэтажная Америка. СПб: Пальмира, 2017.
4. *Чекунова А.Е.* Русское мемуарное наследие второй половины XVII-XVIII вв. М., 1995.
5. *Чечулин Н.Д.* Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников. Вступительная лекция, читанная в Санкт-Петербургском университете 22 января 1891 г. перед началом курса «Русские мемуары XVIII в.». СПб., 1891.
6. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1896. Т. XIX.
7. *Галиуллина Д.М.* Проблема изучения мемуаров в отечественной исторической мысли // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2006. Т. 148, кн. 4. С. 30-41.
8. *Минц С.С.* Об особенностях эволюции источников мемуарного характера (к постановке проблемы) // История СССР. 1979. № 6. С. 55-70.
9. *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М.: Наука, 1980. 313 с.
10. *Гелис И.* Как надо писать воспоминания (методологический очерк) // Пролетарская революция. 1925. № 7. С. 197-213.

ABSTRACT

Unusual for traditional literary criticism, the article examines the problem of genre attribution of memories that have existed for a long time (from the seventeenth – eighteenth centuries) as a form of presentation in Russian literature. This genre type turns out to be a conditional focus of the history of civilization, as well as a concentrate of thought and feeling of an individual member of society. But the tactics and possibilities of a comprehensive examination of memoirs have not yet been identified. As a result, the most highlighted thesis of consideration is the following: in the process of assessing the informational richness of a memoir text, its characteristic individual tonality should by no means be considered a disadvantage. On the contrary, personal judgments contained in memories increase their value as historical information.

Keywords: memoir, presentation genre, early soviet author.

Maikop state technological university, Maikop;

E-mail: Fatimah2@mail.ru

© F.N. Khuako, 2021

АННОТАЦИЯ

В статье, необычной для традиционной литературной критики, исследуется проблема жанровой атрибуции давно существовавших (XVII – XVIII вв) воспоминаний как формы изложения в русской литературе. Этот жанровый тип оказывается условным фокусом истории цивилизации, а также концентратом мысли и чувства отдельного члена общества. Но тактика и возможности всестороннего изучения мемуаров пока не определены. В итоге наиболее ярко освещенным тезисом рассмотрения является следующий: при оценке информационной насыщенности мемуарного текста его характерная индивидуальная тональность ни в коем случае не должна счи-

таться недостатком. Напротив, личные суждения, содержащиеся в воспоминаниях, повышают их ценность как историческая информация.

Ключевые слова: мемуары, презентационный жанр, раннесоветский автор.

Майкопский государственный технологический университет, Майкоп;

E-mail: Fatimah2@mail.ru

© Ф.Н. Хуако, 2021